

УДК 908:321

Кравчук А.С.

Неизвестный брат известного революционера: херсонский и таврический губернатор В.И. Пестель. Часть 2¹

Кравчук Александр Сергеевич, аспирант кафедры исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского
E-mail: alexandrkravchuk@ukr.net

Во второй части статьи, посвященной государственному деятелю первой половины XIX в. В.И. Пестелю, рассматривается период его пребывания в должности губернатора Таврической губернии.

Ключевые слова: Владимир Иванович Пестель, Таврическая губерния, крымскотатарский эскадрон, национальные меньшинства, Крымская война, управленческие ошибки.

В 1845 г. М.С. Воронцов, занимавший пост новороссийского и бессарабского генерал-губернатора предпринимает перестановку высших административных лиц, в подконтрольных ему губерниях. По его инициативе В.И. Пестель сменил в Симферополе Виктора Яковлевича Рославца (1796–1848), занявшего с этого момента пост херсонского гражданского губернатора. 17 марта 1845 г., незадолго до вступления в должность таврического гражданского губернатора, последовавшего 12 апреля того же года, В.И. Пестель получил звание генерал-лейтенанта².

А.Г. Завадовский подробно описал события, связанные с прощанием В.И. Пестеля с жителями Херсона: «Это было в праздники еврейской пасхи и в нашу страстную неделю, во второй половине апреля 1844 г. На данном в честь его всеми сословиями торжественном обеде много было сказано теплых, задушевных, приветственных речей <...>. Речи читались из тетрадок, за исключением одного губернатора, говорившего устно. <...> Пестель переправлялся из Херсона в Алешки, чтобы этим путем следовать далее в Симферополь. На пристани он попрощался со своим преемником, губернатором Рославцем, и обняв его, сказал: «в лице вашем прощаюсь с Херсонскою губерниєю». Множество народа, как по обыкновению толпилось на пристани. Каково же было изумление Пестеля, когда, отплыв некоторое расстояние от берега, он увидел, что все лодки, нагруженные народом, пустились за ним с громовым «ура!»³.

После того, как В.И. Пестель покинул Херсон, расположенный между улицей Говардовской (ныне проспект Ушакова) и валами Херсонской крепости бульвар, обсаженный деревьями по его приказу арестантской ротой, был назван его именем (ныне улица Перекопская).

Новый таврический губернатор был встречен в Симферополе радушно. Чиновник сразу столкнулся с целым комплексом проблем: «В Таврической губернии

Владимир Иванович Пестель (1795–1865). С портрета неизвестного художника. 1840-е гг.

Светлейший князь Михаил Семенович Воронцов (1782–1856), новороссийский и бессарабский генерал-губернатор. С портрета 1856 г.

Ул. Перекопская в Херсоне.
С почтовой открытки начала XX в.

¹ Продолжение. Начало см.: Кравчук А.С. Неизвестный брат известного революционера: херсонский и таврический губернатор В.И. Пестель // *Пространство и Время*. 2015. № 1–2(19–20). С. 202–206.

² РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1692. Л. 52–59.

³ Завадовский А.Г. Сто лет жизни Тавриды, 1783–1883. Симферополь, 1885. С. 260–261.

В.И. Пестель нашел много племен и наречий, большое разнообразие культуры, здесь двигал не закон, а обычай, обычай азиатский, дикий, произвольный, вставлять который в рамки законности и гражданского порядка было очень трудно и часто совсем невозможно. В.И. Пестель в Симферополе был неузнаваем, так он скоро и разом переменился. Один из министров проезжая из Петербурга в Крым, остановился в Орехове перед мостом, на границе Таврической губернии и перейдя мост сказал: “ступил на землю беззакония”. Нужно было управлять губерниею не по существовавшим правилам, а по веянию ветра, ветер же с разных сторон дул различный¹.

В.И. Пестель не сумел интегрироваться в особую систему управления губернией. Значительную роль, в решении дел которой играли кавказский наместник, новороссийский и бессарабский генерал-губернатор М.С. Воронцов и заменяющий его генерал от инфантерии П.И. Федоров², находившийся в Одессе. Князь М.С. Воронцов лично утверждал результаты дворянских выборов, перемещал чиновников по своему усмотрению. Таврический губернатор оказывался во многих случаях пассивным. Кроме того, в Симферополе было несколько человек, которые вели с князем переписку, постоянно сообщая о действиях губернатора. Достаточно быстро отношения между М.С. Воронцовым и В.И. Пестелем стали натянутыми. Фактически таврический губернатор стал жертвой конфликта групповых интересов в губернском обществе.

В первый год его пребывания в должности таврического губернатора Симферополь посетил Великий Князь Константин Николаевич, которому на тот момент было всего 17 лет. Одним из сопровождающих его был Н.Н. Мурзакевич³, который в своих «Записках» отметил: «В Симферополе губернатор Пестель не знал дороги в гимназию и где живет таврический муфтий»⁴. Несмотря на это, 6 декабря того же 1845 г., по Высочайшему повелению губернатору было назначено 2 тыс. рублей серебром прибавочного жалования. Через два года после этого он получил орден Св. Анны 1 степени с императорскою короною, а в 1850 г. «за взятие сполна в 1849 г. следовавшего с податных состояний, кроме казенных крестьян, годового оклада податей совокупно с вступившими недоимками» ему было объявлено монаршее благоволение. В следующем году ему был пожалован орден Св. Владимира 2 ст. За услуги, оказанные герцогу Ангальт-Кетенскому по делам, связанным с деятельностью Ангальтской колонии⁵, находящейся в Таврической губернии, получил в 1851 г. Ангальтский орден Альберта-Медведя большого креста⁶. Судя по этим отличиям, необходимо признать В.И. Пестеля неплохим администратором, вполне отвечавшим требованиям правительственной власти.

Симферополь. Офицерские казармы крымскотатарского эскадрона. Современный вид

Серьезный конфликт возник между губернатором и крымскотатарским населением. В Крыму существовал эскадрон, формирующийся из крымских татар. Это воинское подразделение квартировалось в Санкт-Петербурге. При выступлении из Таврической губернии солдаты эскадрона получали деньги. Губернатор зная, что часто это событие происходило не без происшествий и «желая избегнуть попойки при прощании, распорядился, что бы деньги выдавались не в Симферополе, а в месте квартировки»⁸. В результате этого распоряжения «эскадрон взбунтовался и отказался присягать. Загнали его пешим во двор городской полиции. Приехал Пестель и начал увещевать татар, хотя ни один из новобранцев ни слова не понимал по-русски, делу помогали переводчики. Долго шло бесполезное увещевание, – присягать отказывались! Тогда Пестель, обыкновенно сдержанный, вспылит, обнажил саблю и ударил первого стоявшего возле него татарина. Затем началось поголовное наказание розгами, а после этого – присяга. Случай этот происходил в 1845 или 1846 году. По прибытии эскадрона в Петербург Государь Николай Павлович приказал

всех нижних чинов разместить по армейским пехотным полкам, сравнив их общею службою на 25 лет»⁹.

Занимая пост таврического гражданского губернатора, В.И. Пестель особое внимание уделял национальным меньшинствам. Современники отмечали особенно теплые отношения с евреями. При поддержке губернатора еврейской общине Симферополя в 1854 г. удалось открыть больницу, располагавшуюся на ул. Верхне-Петропавловской (ныне

¹ Там же. С. 263–264.

² Павел Иванович Федоров (1791–1855) – участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничного похода русской армии. Уволен по болезни от военной службы, в 1820 назначен полицеймейстером в Николаеве Херсонской губернии (в 1826 произведен в полковники), занимая эту должность, состоял в 1829 членом комитета, учрежденного для решения дел по Черноморскому департаменту; в том же году назначен обер-штер-кригс-комиссаром этого департамента, в 1833 г. в чине генерал-майора назначен комендантом Николаева. С июня 1834 г. – николаевский и севастопольский военный губернатор, савгуста того же года – бессарабский гражданский губернатор, одновременно с 29 ноября 1835 г. заведующий Измаильским градоначальством; в 1836 назначен бессарабским военным губернатором. В отсутствие новороссийского и бессарабского генерал-губернатора четыре раза временно исправлял его должность. С 1852 – генерал от инфантерии.

³ Николай Никифорович Мурзакевич (1806–1883) – историк и археолог, директор Ришельевского лицея.

⁴ Мурзакевич Н.Н. Записки Н.Н. Мурзакевича 1806–1883 // Русская старина. 1887. Т. 56. С. 672.

⁵ В первой половине XIX в. в связи с ростом спроса на шерстяную продукцию правительство Российской империи предприняли ряд шагов для развития отечественного тонкорунного овцеводства. Одним из таких шагов было установление контактов с конкурентом Саксонского королевства, одного из ведущих в Европе производителя высококачественной шерсти, – герцогством Ангальт-Кетен. Результатом стало подписание в 1828 г. Николаем I указа «Об учреждении в Таврической губернии колонии из Ангальтских поселенцев» (ИПСЗРИ. Т. III. № 1841. 3 марта 1828; РГИА. Ф. 560. Оп. 8. Д. 302).

⁶ РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1692. Л. 52–59.

⁷ Масаев М. В. Крымские татары в русской армии (1827–1874): от формирования лейб-гвардии крымскотатарского эскадрона до введения всеобщей воинской повинности // Культура народов Причерноморья. 2000. № 15. С. 72–79.

⁸ Панчулидзева С.А. Сборник биографий кавалергардов (1801–1826). СПб., 1906. Кн. 3. С. 260.

⁹ Там же.

ул. Володарского). Близкие отношения у губернатора возникли с караимским гахамом¹ С.С. Бобовичем, с будущим евпаторийским городским головой М.А. Пампуловым и др.

Самым сложным временем для губернатора стало начало Крымской войны. К моменту высадки вражеского десанта в Крыму В.И. Пестель занимал пост таврического губернатора почти 10 лет, но так и не смог разобраться в интересах различных групп и национальностей губернии. «Таврический губернатор генерал-лейтенант Пестель уверял, что все слухи о волнении татарского населения ложны; что управляя девять лет губернией, он вполне изучил все оттенки татарского характера, что никто из татар не желает возвращения под владычество турок; что им приняты меры к предупреждению всякой даже частной шалости и что, наконец, ему будет известно все, что будет делаться и говорить не только у татар, но и у христиан, в числе которых есть вредные болтуны»², – писал Н.Ф. Дубровин в своей «Истории Крымской войны». Как показали последующие события – губернатор ошибался: сразу же после начала вторжения во многих уездах губернии начались волнения и восстания. Следует отметить, что В.И. Пестель достаточно активно участвовал в содействии прибывавшим в Крым войскам.

Когда стало очевидным желание неприятеля высадиться в Крыму, таврический губернатор получил приказ подготовить все присутственные места к эвакуации. Вывоз казны и документации необходимо было провести только в случае опасности захвата Симферополя. Подобные предписания весной 1854 г. получили и уездные органы управления³. Меры предосторожности губернатором предприняты не были.

Последующие события вызывают много вопросов. Несмотря на то, что факт высадки десанта в Крыму был всем известен, центральные органы власти не наделили В.И. Пестеля полномочиями военного губернатора. Этими правами был наделен лишь его преемник – Николай Владимирович Адлерберг, который был симферопольским военным и таврическим гражданским губернатором. Не обладая необходимыми для военного времени полномочиями, губернатор фактически не мог осуществлять возложенные на него функции.

Накануне высадки вражеского десанта князь Александр Сергеевич Меншиков (1787–1769) подтвердил приказ о необходимости вывезти присутственные места в случае вероятности наступления врага на Симферополь⁴. 2 сентября 1854 г. началась высадка экспедиционного корпуса коалиции недалеко от Евпатории. После Альминского сражения, которое состоялось 8 сентября, в Симферополе началась паника. По свидетельствам современников, «в Симферополь не только пушечные, но и ружейные выстрелы доносились за ветром очень ясно»⁵. После поражения в Альминском сражении, русские войска отступили, враг мог продолжить наступление в любом направлении. Среди населения начали распространяться слухи, что вражеская армия может захватить Симферополь, что бы уничтожить тыловые базы русской армии. По еще одной версии коалиционные войска могли начать наступление на Перекоп, что бы отрезать сообщение Крыма с материковой частью империи. Кроме того, в Евпаторийском и Перекопском уездах начались массовые волнения крымских татар, дороги стали небезопасными.

Положение губернатора было отчаянным, князь А.С. Меншиков не позаботился о надежной обороне Симферополя, в котором были лишь малочисленные гарнизонные войска, отсутствовала связь между главнокомандующим и губернатором. В губернский город в большом количестве начало стекаться население с уездов – люди боялись мятежников, которые хозяйничали вне городов: «В Бахчисарае и Симферополе не доставало квартир для размещения всех прибывающих в город; многим из людей пришлось оставаться под открытым небом. Таврический гражданский губернатор, генерал-лейтенант Пестель, совершенно растерялся и не знал, что с ними делать. К тому же отступление наших войск к Севастополю показалось ему опасным для Симферополя»⁶.

Симха (Сима) Соломонович Бобович (или Бабович, 1790–1855), известный караимский общественный деятель, филантроп и меценат, первый караимский гахам, в 1820-х гг. городской голова Евпатории

Моисей Аронович Памтулов (1801–1884), глава крымских караимов, поэт, гласный городской думы, в течение многих лет городской голова Евпатории

Военная дорога между Севастополем и Симферополем во время Крымской войны. Художник К.Н. Филиппов. 1858

¹ Гахам – духовный глава караимов, избирающийся из числа членов караимской общины. От хахама иудеев-раввинистов отличается меньшей авторитарностью, т.к. в караимизме принято самостоятельное рационалистическое определение каждым верующим применения законов Священного писания.

² Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя: С картами и планами. Т. 1. СПб., 1900. С. 280.

³ РГИА. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 1921. Л. 1–2.

⁴ Панчулидзе С.А. Указ. соч. С. 260.

⁵ Завадовский А.Г. Указ. соч. С. 264–265.

⁶ Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 292.

Александр Сергеевич Меншиков (1787–1769), генерал-адъютант, адмирал, морской министр Российской империи (1836–1855), генерал-губернатор Финляндии (1831–1854). Фрагмент портрета работы Ф. Крюгера, 1851

Владимир Иванович Ден (1823–1888), генерал-лейтенант, сенатор. С конца 1853 флигель-адъютант Николая I, с 1854 в действующей армии. Участник Инкерманского сражения. С 1861 Курский военный губернатор, управляющий также гражданской частью

Сомневаясь в дальнейших действиях, губернатор созвал у себя совет для обсуждения плана дальнейших действий. Собравшиеся решили, что нужно вывезти из города все присутственные места с казной и делами. Как указывает А.Г. Завадовский, решение было общим и все должны были подписать протокол, но позже выяснилось, что протокол никто не подписал¹. Утром 9 сентября В.И. Пестель объявил, что должностные лица обязаны выехать из города через несколько часов. Колонну должен был возглавить сам губернатор. Путь лежал через Чонгар на Мелитополь. «Объявление это произвело сильнейшее волнение среди всего населения города. Все торопились отыскать подводы для перевозки имущества, но или не находили их вовсе, или нанимали за весьма высокую цену. За простой фургон платили по 150 и по 200 руб., а за открытую повозку 100 руб. В каждом доме видны были сборы в дорогу, хлопоты и суетня. Вынимали из комодов наиболее дорогие вещи, укладывали их второпях в чемоданы и экипажные сундуки, связывали в громаднейшие узлы, переносили мебель из одной комнаты в другую, отдавали приказание людям на завтрашний день, посылали в лавки за покупками, и все это двигалось, действовало и говорило под влиянием какого-то панического страха. Заботы и горе написаны были на всех лицах. Бедное население города, покидая свои жилища, лишалось последних средств к жизни, для переселения требовались значительные расходы, а пятидесяти и даже ста рублей было не достаточно, что бы собраться в дорогу. По приказанию губернатора все присутственные места прекратили производство дел, связывали их в пачки и укладывали на заранее заготовленные подводы и телеги, принадлежащие почтовому ведомству. В городе быстро исчезла вся звонкая монета – в ней ощущался большой недостаток, а бумажные деньги потеряли половину своей ценности»².

Губернатор не оставлял надежды связаться с А.С. Меншиковым, отправив нескольких посыльных за разрешением покинуть город, но ни один из них не вернулся. Поэтому В.И. Пестель решил отложить отъезд до следующего утра, вечером объявил чиновникам, что кто не покинет город вместе с ним, тот будет считаться изменником³. Таврическому губернатору приходилось учитывать следующий фактор: «Пестель имел в виду, что турецкие войска от Евпатории могут подойти или занять Симферополь <...> и наконец, что в Симферопольском казначействе хранится по случаю военного времени значительная сумма денег»⁴.

Утром 10 сентября, так и не дождавшись возвращения посланных к главнокомандующему, губернатор с большинством горожан покинул Симферополь: «Длинный обоз, более чем в 2500 подвод, нагруженный женщинами, детьми и разною рухлядью, тронулся из города. Обоз конвоировали 60 солдат внутреннего гарнизонного батальона. Процессия растянулась более чем на две версты. Число удалявшихся простиралось приблизительно до 10000 человек. Экипажи всех возможных видов, размеров и названий, всадники, пешеходы, несколько в стороне лошади, коровы, волы, собаки – все это уходило из города с шумом, криком и различного рода восклицаниями. Многие мужчины вооружились ружьями, пистолетами, саблями и шашками, надеясь в случае нападения небольшого неприятельского отряда дать ему значительный отпор. Губернатор забрал с собою почтовых лошадей и полицмейстера с его командой, забрал жандармов и почтовую контору. Уезжавшие принуждены были бросить все свое имущество и дома на расхищение»⁵. По другим сведениям, подвод было около 1000⁶.

Свидетелем движения процессии стал генерал-лейтенант Владимир Иванович Ден: «...я ехал по дороге пустынной, степной, по которой распорядительный таврический губернатор г-н Пестель направил, немедленно после полученного известия о высадке неприятельских войск огромный обоз со всем архивом и делами симферопольского губернского правления. По распоряжению князя Меншикова эта глупость была скоро исправлена»⁷.

Таврический губернский секретарь Н.И. Браилко обвинял губернатора не в самой поспешной эвакуации, а в том, как она проводилась: «Грех В.И. Пестеля заключался в том, что он не гарцевал на коне по городу, что и следовало, не показавшись никому в улицах, ни слова не сказал жителям, а сел в коляску вместе с своею фавориткою (женою одного из чиновников), и направился во главе поезда»⁸.

Участник обороны Севастополя полковник Н.П. Лебедев оправдывал действия губернатора: «Неприятель с Альмы мог прямо идти к Перекопу, стать перед узким перешейком и, при блокаде полуострова союзным флотом, отрезать Крым, а не идти на южную сторону, в чем следует видеть его большую ошибку»⁹.

Только благодаря действиям начальника гарнизонного батальона подполковника Сухарева в опустевшей губернской столице не начался грабеж. Он организовал в городе казачьи разъезды, и объявил, что всякое преступление

¹ Завадовский А.Г. Указ. соч. С. 265–267.

² Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 293–294.

³ Там же, С. 294.

⁴ Браилко Н.И. Из воспоминаний и рассказов // Русский архив. 1897. № 6. С. 291–292.

⁵ Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 294–295.

⁶ Браилко Н.И. Указ. соч.

⁷ Ден В.И. Записки генерал-лейтенанта Владимира Ивановича Дена // Русская старина. 1890. Т. 65. № 3. С. 667.

⁸ Браилко Н.И. Указ. соч.

⁹ Лебедев Н.П. Возражения севастопольца полковника Лебедева на записки генерала В.И. Ден // Русская Старина. 1893. Т. 77. С. 159.

будет судиться военным судом. Около трех часов дня в Симферополь прибыл посыльный от князя А.С. Меншикова, который привез приказание с предписанием остаться всем присутственным местам в Симферополе. Подполковник Сухарев отправил посыльного к губернатору, процессия была остановлена на расстоянии 18 миль от Симферополя: «По получении этого известия эмигранты пришли в неописанный восторг: раздалось громкое «ура!» и в пустынной степи прогремело до сотни выстрелов»¹.

Только поздним вечером начали возвращаться в город те, кто еще утром его покидал: «Оставшиеся смеялись над возвращавшимися, смеялись и над губернатором, положение которого в Симферополе сделалось весьма незавидным. «Народ давно уже его не любит, – писал один из симферопольцев, – но этот случай раздражил всех до крайности. Бедные чиновники в особенности пострадали: их заставили покинуть свое имущество и выезжать из города. Им выдали вперед третное жалование, которое они истратили на совершенно бесполезную, но дорогую и разорительную прогулку по степи. Прогулку эту симферопольцы прозвали городским пикником с губернатором»².

После возвращения в Симферополь губернатор объявил себя больным. Работа уездных органов управления была парализована. В.И. Пестель не предпринимал никаких мер для подавления волнения в уездах: «Он не мог даже прекратить доставку неприятелю припасов, которые, как известно, производилась из самого Симферополя и Бахчисарая. От губернатора нельзя было добиться никаких сведений, он ничего не знал, что делается в подведомственных ему местах»³. Уже 11 ноября 1854 г. В.И. Пестель был уволен с должности таврического гражданского губернатора без прошения.

Александр II смягчил участь губернатора, назначив его сенатором 29 апреля 1855 г. После увольнения ему была пожалована пенсия по 1200 рублей ежегодно, а с 1863 г. по 3000. 1862 г. он получил орден Белого Орла и 1 января 1865 г. был произведен в действительные советники⁴. Из наследства своего отца, он ничего не получил, собственных сбережений не имел, в должности сенатора испытывал нужду.

Не самым удачным образом сложилась и личная жизнь В.И. Пестеля. С 1822 г. он был женат Амалии Петровне Храповицкой, но с женой не жил; детей Владимир Иванович не имел. 19 января 1865 г. он скончался в Москве⁵.

В.И. Пестеля можно назвать сыном своей эпохи. История его жизни полна противоречий. Верный клятве, он оказался среди тех, кто участвовал в подавлении выступления декабристов. Именно эти события послужили поводом к суждениям о косности взглядов и непонимании идей П.И. Пестеля его семьей. Но, как свидетельствует личная переписка и показания декабристов, братьев Пестелей связывала тесная дружба и крепкие родственные отношения. Еще больше вопросов вызывает гражданская служба Владимира Ивановича. Занимая высший административный пост в Херсонской губернии, он сумел стать народным любимцем, сделал большой вклад в развитие губернии и губернского города. В Симферополе же не сумел проявить себя. Некоторые из принятых им решений были спорными, компрометировали губернатора и в итоге привели к его отставке. Это был военный человек, занимавшийся гражданскими делами. Либеральность взглядов, попустительство и неоправданное доверие людям – вот те качества, которые не позволили ему стать успешным администратором. Личное покровительство императора Николая I способствовало успешному развитию его карьеры. Однако неумение распоряжаться собственными средствами и привычка жить на широкую ногу заставили его встретить старость в нищете.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (II ПСЗРИ). Т. III. СПб., 1828.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 560. Оп. 8. Д. 302.
3. РГИА. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 1921.
4. РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1692.
5. [Б. а. Некролог] // Одесский вестник. 1865. № 70. С. 12.
6. Браилко Н.И. Из воспоминаний и рассказов // Русский архив. 1897. Вып. 6. С. 289–316.
7. Ден В.И. Записки генерал-лейтенанта Владимира Ивановича Дена // Русская старина. 1890. Т. 65. № 3. С. 655–680.
8. Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя: С картами и планами. Т. 1. СПб., 1900.
9. Завадовский А.Г. Генерал-лейтенант Владимир Иванович Пестель // Сто лет жизни Тавриды: 1783–1883. Симферополь, 1885. С. 250–269.
10. История Крыма / Российское военно-историческое общество; Е.Е. Бойцова, А.А. Непомнящий, И.А. Спивак [и др.]. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015.
11. Лебедев Н.П. Возражения севастопольца полковника Лебедева на записки генерала В.И. Дена // Русская старина. 1893. Т. 77. С. 156–161.
12. Масаев М.В. Крымские татары в русской армии (1827–1874): от формирования лейб-гвардии крымскотатарского эскадрона до введения всеобщей воинской повинности // Культура народов Причерноморья. 2000. № 15. С. 72–79.
13. Мурзакевич Н.Н. Записки Н.Н. Мурзакевича 1806–1883 // Русская старина. 1887 г. Т. 56. С. 649–675.
14. Панчулидзе С.А. Сборник биографий кавалергардов (1801–1826). Кн. 3. СПб., 1906.
15. Gorizontov L.E. "The Crimean War as a Test of Russia's Imperial Durability." *Russian Studies in History* 51.1 (2012): 65–94.
16. Kozelsky M. "Casualties of Conflict: Crimean Tatars during the Crimean War." *Slavic Review* 67.4 (2008): 866–891.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Кравчук, А. С. Неизвестный брат известного революционера: херсонский и таврический губернатор В.И. Пестель. Часть 2 / А.С. Кравчук // Пространство и Время. — 2015. — № 3(21). — С. 183—187. Стационарный сетевой адрес 2226-7271prov_st3-21.2015.62.

¹ Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 295–296.

² Там же. С. 296.

³ Там же. С. 299–300.

⁴ Панчулидзе С.А. Указ. соч. С. 260–261.

⁵ [Б. а. Некролог] // Одесский вестник. 1865. № 70. С. 12.